

УДК 930.1

ИСТОРИЯ РОССИИ ПЕРВОГО ПЕРИОДА И ПОЛЬСКО–РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЭТОГО ПЕРИОДА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

Т.Т. КРУЧКОВСКИЙ

*Гродненский государственный университет имени Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь*

Введение. При жизни имя и творчество В.О. Ключевского было широко известно не только в России, но и в Европе. Значение творческого наследия ученого признавалось в современной ему российской науке независимо от ее направлений [4–12 и др.]. Видная роль историка с различными оговорками о классовом характере его трудов, о недопонимании марксизма признавалась и советской историографией [13–36 и др.]. В конце советского периода даже утверждалось, что его творчество не только как яркая страница истории отечественной исторической науки, но и явление русской и мировой культуры [37, с. 5]. В современной науке огромное значение исторического наследия ученого, его историософской концепции истории России для развития русской исторической науки признается безапеллятивно [38–56 и др.]. Отмечается даже, что Ключевский занимает исключительное место в истории русской науки и культуры, для многих он стал символом и гордостью России [38, с. 416].

Творчество Ключевского характеризуется значительной широтой и плодovitостью: он является автором работ по методологии, источниковедению, историографии и, прежде всего, «Курса русской истории», который признается одной из вершин творчества ученого и русской историографии в целом [16, с. 134]. Творческое наследие В.О. Ключевского являлось неоднократно предметом исследования как его современников [4–12 и др.] в советской исторической традиции [13–36 и др.], так и современной историософской и историографической литературе [38–56 и др.]. Вместе с тем оценки исторического наследия В.О. Ключевского по ряду важнейших его составляющих параметров как в современной ему российской науке, так и в советской и современной российской историографии не однозначны и порой даже противоречивы. Это положение хорошо видно из анализа многочисленных работ по изучению научного наследия ученого. Остается вне заинтересованности исследователей также и историческая полонистика ученого и исходя из этого и место и роль Польши в его историософии России. В поле внимания исследователей попали только некоторые аспекты исторической полонистики В.О. Ключевского [41; 56–59].

К моменту публикации Курса русской истории В.О. Ключевского в России в отношении изучения истории Польши существовали не только труды славянофильской направленности, но и сложилась русская либеральная полонистика (начиная от отдельных характеристик Польши К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина и заканчивая Н.И. Кареевы, А.Л. Погодиным). Вместе с тем накладывалось то обстоятельство, что эти профессиональные историки либеральной направленности были в основном (за исключением М.К. Любавского) не историками–отечественниками, а специалистами в области всеобщей истории. Эти историки часто в вопросах оценок взаимоотношений истории России и Польши и особенно проблематики православных земель Речи Посполитой следовали в русле общих концепций истории России [62–63].

Основная часть. Начальный период истории польского народа и становление его государственности рассматривается В.О. Ключевским в тесной связи с ранней историей славян, их расселением, а затем и восточных славян и их государственности – Киевской Руси. Рассказывая о ранней истории расселения славян, ученый использовал русские летописи, замечая при этом в них определенную готовую историографическую версию: «Читая первые листы летописного свода, замечаем, что это связная и цельная повесть, лишённая летописных приёмов» [2, с. 96]. Это положение еще ранее показал М.Н. Милюков [61, с. 158], а впоследствии развивал А.Е. Пресняков [60, с. 19–20 и др.].

По мнению П.Милюкова, это была старая историографическая схема еще московских книжников и она оказала определенное влияние на изложение русской истории исследователей XVIII – XIX веков, «когда они начинали изучать историю России, источники встретили их своим, готовым взглядом. Исследователь воображал, что делает открытия, осмысливает историю, – а, в сущности, он шел на плечах наших философов XV и XVI столетия» [60, с. 158]. А.Е. Пресняков, отмечая плодотворность наблюдения Милюкова, утверждал, что данный тезис не доведен до логического

завершения, так как работа П.Н.Милюкова осталась не законченной [60, с. 3]. Суть данной концепции русской истории, как известно, была в утверждении единого происхождения Московской Руси (Великороссии) и Малороссии от Руси Киевской. Первую наукообразную гипотезу данной теории представил М.П.Погодин утверждением, что в Киеве издревле проживало «великоросское племя», затем переселившееся на север, в землю Суздальскую. Пресняков считал, что эта традиционная схема русской истории, повторенная и как бы второй раз открытая В.О. Ключевским [60, с. 19], страдает от внутренних противоречий: с одной стороны – утверждение преемственной связи исторической жизни севера с киевским югом, с другой – выяснение их резкой противоположности и самостоятельных корней северорусского исторического процесса [60, с. 20].

Ключевский считал, что важнее всего в летописных сводах – идея славянского единства. Составитель Начальной летописи, утверждал ученый, – панславист, который, исходя из своей идеи первобытного единства славянства, старался связать ранние судьбы родной Руси с общей историей славян [2, с. 120]. «Начальная летопись, писал историк, не помнит времени прихода славян из Азии в Европу», но отмечал, что показывается расселение славян из Карпат: «одни славяне ушли и сели по Висле, прозвавшись ляхами, другие пришли на Днепр и прозвались полянами, а поселившиеся в лесах – древланами и т. д.» [2, с. 121]. На основании разного рода летописных источников он делал вывод о существовании единой прародины славян: «по северным склонам высоких гор от истоков Вислы [...]. Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны [2, с. 121]. В очерке расселения славян Повести временных лет, отмечал историк, «отчётливо отличаются западные славяне – моравы, чехи, ляхи, поморяне, от восточных – хорватов, сербов и хорутан» [2, с. 125]. При этом Ключевский считал, что идея славянского единства в начале XII века требовала большого напряжения мысли, так как совсем не поддерживалась современной действительностью [2, с. 110]. «Когда на берегах Днепра эта мысль выражалась с такой верой или уверенностью, писал он, – славянство было разобщено и в значительной части своего состава поработщено: Моравская держава была разбита венграми ещё в начале X века, первое Болгарское царство – Византией в начале XI века, полабские и прибалтийские славяне уступали немецкому напору и, вместе с чехами и поляками, католическому влиянию [2, с. 110]. Как видим, В.О. Ключевский видел разобщение славян не только географически, не только в утрате политической независимости под давлением немцев и Византии, но и согласно славянофильской традиции в принятии поляками и чехами католичества.

Русский бытописатель, писал далее историк, помнил роковой исторический момент, с которого началось разрушение славянского единства: это – утверждение венгров на среднем Дунае в начале X века, разорвавшее связи между западными и южными славянами, завязанные славянскими первоучителями [2, с.109]. «Был один язык славянский, – писал он далее, – славяне дунайские, моравы, чехи, ляхи и поляне – Русь. А славянское племя и русское – одно племя: от варягов прозвались Русью, а изначала были славяне; только звались полянами, а говорили по-славянски; звались полянами потому, что в поле сидели, а язык у них один с другими славянами» [2, с.109].

Рассказывая о расселении восточных славян в VII веке постепенно по восточноевропейской равнине, Ключевский считал, что «это расселение можно признать вторым начальным фактом нашей истории» [2, с.124]. Одновременно он показывал на основе летописей, что в этот начальный период истории наблюдается смешивание западных и восточных славян: «она рассказывает, что были в ляхах два брата, Радим и Вятко, которые пришли со своими родами и сели – Радим на Соже, а Вятко на Оке; от них и пошли радимичи и вятичи» [2, с.125]. «Это значит, утверждал ученый, что они пришли из прикарпатской страны: область указанного водораздела, Червонная Русь [...], древняя страна хорватов в XI веке, когда написана рассказывающая об этом Повесть временных лет, считалась уже ляхской страной и была предметом борьбы Руси с Польшей» [2, с.125].

В.О. Ключевский отмечал, что в современной ему исторической литературе существуют два различных взгляда на начало русской истории. Первый изложен в древнерусских летописях, критическом исследовании о древнерусских летописях. Его придерживались Шлёцер, Карамзин, Погодин, Соловьев. В основе его лежала идея о том, что «зачатки гражданственности среди славян впервые были занесены пришельцами из Скандинавии – варягами около половины IX века» [2, с.117]. Другой взгляд на начало русской истории о том, что «восточные славяне искони обитали там, где знает их наша Начальная летопись; здесь, в пределах русской равнины, поселились, может быть, ещё за несколько веков до р. х.» [2, с.118]. Однако присутствия славян среди древних народов, отмечал Ключевский, незаметно [2, с.118].

В.О. Ключевский вполне в русле русской исторической науки изучаемого периода поддерживал положение о существовании единого русского народа еще в период Киевской Руси: «С VIII до

XIII века масса русского населения сосредоточивалась на среднем и верхнем Днепре с его притоками» [2, с. 31]. Это положение подтверждается последующими утверждениями историка о том, что именно единый русский народ с начала XVII до половины XIX века распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Чёрного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала и даже проникает на юг и восток далеко за Кавказ, Каспий и Урал. Политически все почти части русской народности, продолжал историк, – соединяются под одной властью: к Великодержавии примыкают одна за другой Малороссия, Белороссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю [2, с. 31].

Признавая, вслед за С.М. Соловьёвым, колонизацию основным фактором ранней истории восточных славян и будущей России «История России есть история страны, которая колонизируется», он отмечал, что ветвь восточнославянских племен, численности которых было недостаточно для освоения русской равнины «распространялось по равнине не постепенно путём нарождения, не *расселяясь, а переселяясь*, переносилось птичьими перелётами из края в край, покидая насиженные места и саясь на новые» [2, с. 31]. Это положение, по его мнению, наложило решающий отпечаток на всю историю страны, на ее внутреннее состояние и на внешнеполитические задачи: «При каждом таком передвижении оно становилось под действие новых условий, вытекавших как из физических особенностей новозанятого края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер, вызывавшее смену «форм общежития» [2, с. 31]. При этом ученый вполне в духе государственной школы утверждал, что «область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией» [2, с. 31]. Исходя из этого основного положения, а также таких факторов, как политическая история и экономическая жизнь, ученый и выделял основные периоды русской истории. «Эти периоды, обозначая их по областям равнины, в которых сосредоточивалась в разные времена главная масса русского народонаселения: 1) *днепровский*, 2) *верхневолжский*, 3) *великорусский*, 4) *всероссийский*» [2, с. 53]. Эти периоды истории – «этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры, когда, наконец, он посредством естественного нарождения и поглощения встречаемых инородцев распространился по всей равнине и даже перешёл за её пределы» [2, с. 31].

Вслед за ним своим учителем Ключевский выделял природно–климатические условия славянского населения в одну из основных составляющих причин развития России; он разделял и известную антитезу природных условий востока и запада континента, повторил данную в «Истории России» характеристику роли речной системы на начальном этапе генезиса государства. При этом в ранние периоды (днепровский и верхневолжский), по его мнению, природные условия оказывали значительное, а порой и решающее значение. Ученый обосновывал свои выводы в третьей лекции, сравнивая природные факторы (климат, рельеф, роль рек и леса, влияние степи, гор, расстояния до морей и т.д.) восточноевропейской равнины и Западной Европы. Ученый считал, что географические черты сходств с Азией у европейской России больше и она «не разделяет выгодных природных особенностей Европы, или говоря точнее, разделяет их в одинаковой степени с Азией». Однако в целом в «Курсе русской истории» этой проблеме уделено значительно меньшее внимание, чем у Соловьёва [44, с.147].

Уже тогда, к началу исторических времен, по утверждению В.О. Ключевского, появляется в степях южного Причерноморья «как бы азиатский клин, вдвинутый в европейский материк и тесно связанный с Азией исторически и климатически. Здесь искони шла столбовая дорога, которой через урало–каспийские ворота хаживали в Европу из глубины Азии страшные гости, все эти кочевые орды, неисчислимы как степной ковыль или песок азиатской пустыни. Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа» [2, с. 65]. «Сама Азия, настоящая кочевая Азия, –продолжал он, – испокон веков наводняя своими кибитками и стадами нынешнюю южную Россию, по–видимому, слабо чувствовала, что она попадала в Европу [...] целые века проживали здесь, как жили в степях Средней Азии [2, с. 65].

Первый период русской истории Ключевский характеризовал как время с древнейших времен до конца XII или до начала XIII века, а государственную принадлежность как Киевской Руси [2, с.116]. При этом он не обозначал точно его конечного предела. «Никакое поворотное событие не отделяет резко этого периода от последующего. Нашествие монголов нельзя признать таким раздельным событием: монголы застали Русь на походе, во время передвижки, которую ускорили, но которой не вызвали; новый склад жизни завязался до них» [2, с.116].

Киевская Русь, по мнению Ключевского, образовалась из соединения варяжских княжеств и сохранивших самостоятельность городских областей. Образование этого княжества было подготовлено экономическими и политическими фактами [2, 156]. Это княжество существовало подобно тому, как на Западе в IX веке датские викинги, захватив ту или другую приморскую область Империи Карла Великого, получали ее от франкских королей в лен, т.е. в кормление [2, с. 165]. Первые киевские князья своим мечом очертили довольно широкий круг земель, политическим центром которых был Киев: в состав его постепенно вошли не только все восточные славянские племена, но и некоторые из финских: чудь прибалтийская, весь белозерская, меря ростовская и мурома по нижней Оке [2, с.173]. Продолжением этих традиций территориального роста государства были, по его мнению, Московская Россия, а затем и Российская империя: «Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи [2, с. 61].

Уже с этого периода историк ставил проблему соотношения государства и народа в истории России, отмечая, что это главные предметы его Курса, добавляя сразу же, что историческая личность народа – это основной предмет изучения его истории [2, с.60]. «Значение народа как исторической личности заключается в его историческом призвании, а это призвание народа выражается в том мировом положении, какое он создаёт себе своими усилиями, и в той идее, какую он стремится осуществить своею деятельностью в этом положении» [2, с.60]. Ученый прямо заявлял, что «в государстве народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и с сознанием своего мирового значения» [2, с.42].

Русское государство или великое княжество Киевское, по мнению ученого, первоначально состояло из разноплеменного населения, и «это государство еще не было государством русского народа, потому что еще не существовало самого этого народа: к половине XI века были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом выработается русская народность» [2, с.174]. Все эти разноплеменные элементы пока были соединены чисто механически государством и христианством, которое распространялось медленно и не успело еще захватить даже всех славянских племен Русской земли: так, вятичи не были христианами еще в начале XII века [2, с.174]. Историк писал, что в состав населения тогдашней Руси рядом с туземцами и обрусевшими потомками варягов видим в ней «инородцев восточных и западных, которые окружали Русь – торков, берендеев, половцев, хозар, даже евреев, угров, ляхов, литву и чудь» [2, с. 205].

Ученый считал, что к концу своей истории «Киевская Русь представляла из себя цельную страну, части которой были тесно связаны между собой многообразными нитями – географическими, экономическими, юридическими и церковно–нравственными. Эта Русь, собственно, состояла из бассейна одной реки Днепра, На этой географической основе держался экономический и политический строй древней Киевской Руси» [2, с. 346]. Историк, отдавая дань общей русской историографической традиции, в своих кратких выводах утверждал: «В I период нашей истории под напором внешних врагов разноплеменные и рассеянные элементы населения кое–как сжались в нечто цельное; завязывалась русская народность» [4, с. 12].

Это положение при конкретно–историческом рассмотрении периода Киевской Руси выглядит не столь однозначно. Историк признает, что в исторических источниках «везде Русская земля, и нигде, ни в одном памятнике не встретим выражения русский народ. Народ – понятие слишком сложное, заключающее в себе духовно–нравственные признаки, ещё не дававшиеся тогдашнему сознанию или даже ещё не успевшие достаточно обнаружиться в самом русском населении. Из всех элементов, входящих в состав государства, территория наиболее доступна пониманию; она и служила определением народности. Потому чувство народного единства пока выражалось ещё только в идее общего отечества, а не в сознании национального характера и исторического назначения и не в мысли о долге служения народному благу» [2, с. 212].

При этом Ключевский утверждая, что киевский период «содействовал пробуждению в русском обществе чувства земского единства, зарождению русской народности», считал, что в этом результате «надобно искать разгадки своеобразного отношения к старой Киевской Руси со стороны нашего народа и нашей историографии» [2, с. 210]. Такое отношение к Киевской Руси он отчасти интерпретировал как историографический миф. «Столь же сочувственно относится к Киевской Руси и наша историография [...]. Эта Русь не выработала прочного политического порядка, способного выдержать внешние удары; однако исследователи самых различных направлений вообще склонны рисовать жизнь Киевской Руси светлыми красками. В старой киевской жизни было мно-

го неурядиц, много бестолковой толкотни; «бессмысленные драки княжеские», по выражению Карамзина, были прямым народным бедствием. Зато в князьях того времени так живо было родственное, точнее, генеалогическое чувство [...] В XI – XII веках у нас таким стереотипом была Русская земля, о которой так часто говорят и князья и летописцы [...] Последующие поколения вспоминали о Киевской Руси как о колыбели русской народности» [2, с. 211–212].

Подобного рода, по его мнению, миф в отношении Киевской Руси существовал и в народном сознании, который историк описывал весьма красочно и эмоционально: «Народ доселе помнит и знает старый Киев [...] непритворно любит и чтит его, как не любил и не чтит он ни одной из столиц, его сменивших, ни Владимира на Клязьме, ни Москвы, ни Петербурга. О Владимире он забыл, да и в своё время мало знал его; Москва была тяжела народу, он её немножко уважал и побаивался, но не любил искренно; Петербурга он не любит, не уважает и даже не боится» [2, с. 211].

В.О. Ключевский признавал успехи Киевской Руси в области развития культуры. «С помощью переводной письменности выработался книжный русский язык, образовалась литературная школа, развилась оригинальная литература, и русская летопись XII века по мастерству изложения не уступает лучшим анналам тогдашнего Запада» [2, с.278]. Однако он признавал, что Русь по ряду причин отставала от Запада. «Народ, создавший это государство, по своим духовным и материальным средствам ещё не стоит в первом ряду среди других европейских народов. По неблагоприятным историческим условиям его внутренний рост не шёл в уровень с его международным положением, даже по временам задерживался этим положением» [2, с. 61].

Первостепенной внешнеполитической задачей Киевской Руси, по Ключевскому, в определении которой он высказал полное единодушие со своим предшественником–учителем, и которую она унаследовала ещё со времен расселения восточных славян в Приднестровье, была борьба с кочевыми народами. В «Курсе» повторен вывод о непримиримости «леса и степи». «Степь была вечной угрозой для Древней Руси и нередко становилась бичом для неё. Борьба со степным кочевником, половчином, злым татаринцом, длившаяся с VIII почти до конца XVII века, – самое тяжёлое историческое воспоминание русского народа, особенно глубоко врезавшееся в его памяти и наиболее ярко выразившееся в его былевой поэзии» [2, с. 84].

Историк даже в то время рассматривал эту борьбу в контексте общеевропейском. «Россия служила широкой ареной борьбы азиатских народов с европейскими и когда именно в южной степной полосе её Азия торжествовала над Европой, напоминала бы, может быть, и более поздние времена, когда в северной полосе завязалась нравственная борьба между веяниями западными и восточными» [2, с.282]. «Изучая жизнь этой Руси, ни на минуту не следует забывать, продолжал он, что она основалась на окраине культурно–христианского мира, на берегу Европы, за которым простиралось безбрежное море степей, служивших преддверием Азии. Эти степи со своим кочевым населением и были историческим бичом для Древней Руси [2, с.282]. Эта почти двухвековая борьба Руси, по утверждению Ключевского, имеет своё значение в европейской истории: «В то время как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда и на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления» [2, с.284].

Проблема борьбы со степью, утверждал ученый, с течением времени становится даже господствующим в деятельности киевских князей вследствие все усиливавшегося напора степных кочевников [2, с.172]. Русь с успехом отбивала половцев от границ своих и даже иногда удачно проникла в самую глубь половецких степей, но со смертью деятельного Мономаховича ей становилось не под силу сдерживать напор кочевников, и она начинала отступать перед ними. Историческая заслуга Руси перед Европой, подытоживал историк, стоила ей очень дорого – «Русь истощалась в средствах борьбы с варварами» [2, с.284] и в результате – «борьба сдвинула её с насиженных днепровских мест и круто изменила направление её дальнейшей жизни» [2, с.284].

Под давлением ряда факторов и неблагоприятных условий или «элементов общегития»: юридического и экономического принижения низших классов, княжеских усобиц и в результате невозможности отражения давления степи в форме половецких нападений с половины XII века, по мнению Ключевского, становятся заметны признаки запустения Киевской Руси и переселения народонаселения на севере–восток (где образовалась со временем Московская Россия) и на запад, что привело к значительному, в повествовании историка, усилению польского фактора в истории России.

Отношения Руси с Западом, в том числе и с Польшей, в этот период, в представлении Ключевского, весьма ограничены и занимают значительно менее важное место, чем с Византией или степью. Проблеме собственно отношений с поляками как славянами и Польшей как католическим

государством В.О. Ключевский в первый период истории России не уделял особого внимания. Вместе с тем польский фактор в истории России и польско–русские отношения характеризовались ученым в ряде принципиальных моментов истории Киевской Руси и ее событийной истории.

Так, описывая общественно–политическое устройство Киевской Руси, историк сравнивает его не только с западноевропейским, но и польским. При этом он считал, что в Польше, как и в Западной Европе, в отличие от Руси сложилась система феодальных отношений: «старшие дружинники, княжи мужи, бояре, занимавшие высшие правительственные должности, не могли занимать их долгое время в одних и тех же волостях и чрез это приобретать прочное местное политическое значение в известной области, тем не менее, могли превращать свои должности в наследственные, как это было на феодальном Западе и в соседней Польше» [2, с.205].

Рассказывая о русско–польских отношениях этого периода, историк описывал территориальные споры Руси и Польши, не высказывая прямо своей оценки принадлежности этих спорных земель. Он писал: «Страна древних хорватов Галиция была в X и XI веках спорным краем, переходившим между Польшей и Русью из рук в руки» [2, с.173]. Одновременно ученый отмечал, что князья–изгои еще в XI веке – дети Ярослава, внука Ростислава – Володарь и Василько, «отняли у Польши города Червонной Руси и основавшие из них особое княжество» [2, с.194].

Участие Польши, отмечал Ключевский, также и в ходе феодальной междоусобицы на Руси. Особенно выделялись эпизоды польских походов на Киев в 1018 и 1068 годах [2, с.283 и др.]. Описание этих эпизодов польско–русских отношений академично и весьма кратко. При этом историк не высказывал никаких эмоциональных оценок по поводу их вмешательства в русские распри, трактуя их как часть борьбы русских князей за Киев, отсутствовал в этих оценках и религиозный мотив.

Поляки под старым названием ляхов перечисляются историком также и среди населения, которое киевские князья привлекали для заселения земель или заселяли военнопленными, отмечая, что «экономическое благосостояние Киевской Руси XI и XII веках держалось на рабовладении и к половине XII века рабовладение достигло там громадных размеров» [2, с.278]. Ключевский писал: «В XI веке Поросье являлось хорошо заселённой страной [...] Здесь жило смешанное население: рядом с пленниками ляхами, которых сажал здесь Ярослав, селились русские выходцы и мирные кочевники, торки, берендеи, даже печенег» [2, с.283].

Значительно большее внимание истории Польши и польскому фактору в жизни русского народа он посвятил с момента кризиса Киевской Руси, связывая его с фактором опустошения Приднепровья, где в первом периоде сосредоточивалась главная масса русского населения [2, с.275] и переселения населения на северо–восток и запад, в том числе и на территорию Польши. Ученый утверждал, что «отлив населения из Поднепровья шёл в двух направлениях, двумя противоположными струями» [2, с.286]. «Одна струя направлялась на запад, утверждал он, – на Западный Буг, в область верхнего Днестра и верхней Вислы, в глубь Галиции и Польши» [2, с.286]. При этом историк считал, что «южно–русское население из Приднепровья возвращалось на давно забытые места, покинутые его предками ещё в VII веке» [2, с.287]. Это и стало причиной, по Ключевскому, усиления Галицкого и Волынского княжеств, а также появлением в собственно Польше православного населения. «Этим наплывом русских переселенцев, может быть, объясняются известия XIII и XIV веках о православных церквях в Краковской области и в других местностях юго–восточной Польши» [2, с.287].

Заключение. Как видим, православное население южной Польши Ключевский считал пришлым, в отличие от славянофильской традиции, утверждающей о «русскости» земель южной Польши вплоть до Кракова (Ф.И. Филевич, М.О. Коялович, Д.И. Иловайский, П.Д. Брянцев и др.). Впоследствии исторические судьбы православного населения Малой Польши еще появятся в концепции Ключевского.

Характеризуя место и роль истории Польши первого периода русской истории в историософской концепции истории России В.О. Ключевского, следует заметить, что наиболее известный русский историк конца XIX – начала XX веков посвятил данной проблеме значительно меньше внимания, чем такие его известные предшественники как Н.М. Карамзин, или С.М. Соловьев. Польская проблематика как одна из тем его изложения истории России появляется уже в период распада Киевской Руси в связи с переселением населения, в том числе и на территорию собственно Польши.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Соч. В 9 т. / В.О. Ключевский. – М., 1987–1990.
2. Ключевский, В.О. Курс русской истории. / В.О. Ключевский. – М., 1987. – Т. 1.
3. Цамутали, А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки / А.Н. Цамутали. – Л.: Наука, 1985. – 331 с.
4. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – 3-е изд. – Мн.: Лучи Софии, 1997. – 688 с.
5. Лаппо–Данилевский, А.С. Исторические взгляды В.О. Ключевского / А.С. Лаппо–Данилевский // В.О. Ключевский: Характеристика и воспоминания. – М., 1912.
6. Веселовский, С.Б. Василий Осипович Ключевский / С.Б. Веселовский // Отчет Московского университета за 1911 год. – М., 1911.
7. Кизеветтер, А. А. Памяти В. О. Ключевского. / А. А. Кизеветтер // Русская мысль. – 1911. – № 6.
8. Кизеветтер, А. А. На рубеже столетий. Воспоминания. 1881 – 1914. / А. А. Кизеветтер. – М., 1997.
9. Милоков, П.Н. В.О. Ключевский / П.Н. Милоков // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. – М., 1912.
10. Платонов, С.Ф. Памяти В. О. Ключевского / Платонов С.Ф. // В. О. Ключевский: Характеристики и Воспоминания. – М., 1912.
11. Лаппо–Данилевский, А.С. Исторические взгляды В.О. Ключевского / А.С. Лаппо–Данилевский // В.О. Ключевский: Характеристика и воспоминания. – М., 1912.
12. Сыромятников, Б. Лаппо–Данилевский, А. Школы исторического познания: (В.О. Ключевский и его ближайшие предшественники) / Б. Сыромятников, А. Лаппо–Данилевский // К познанию России. – М., 1994. – С. 279–297.
13. История исторической науки в СССР: Досоветский период, библиография. – М., 1965.
14. Нечкина, М.В. Василий Осипович Ключевский / М.В. Нечкина. – М., 1974. – 640 с.
15. Цамутали, А.Н. Борьба течений в русской историографии. / Цамутали. – Л., 1977.
16. Цамутали, А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки / А.Н. Цамутали. – Л.: Наука, 1985. – 331 с.
17. Тихомиров, М.Н. К выходу в свет первых трех томов Собрания сочинений В. О. Ключевского / М.Н. Тихомиров // Вопросы истории. 1958.– № 8.
18. Зимин, А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. / А. А. Зимин // Исторические записки. Т. 69. – М., 1961. С. 178–196.
19. Черепнин, Л.В. В.О. Ключевский / Л.В. Черепнин // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. – М., 1960. – С. 146–170.
20. Черепнин, Л.В. Выдающееся исследование о Василии Осиповиче Ключевском / Л.В. Черепнин // Проблемы истории общественной мысли и историографии. – М., 1976.
21. Астахов, В.И. Курс лекций по русской историографии. / В.И. Астахов. – Харьков, 1962. – Т. 2.
22. Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.
23. Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979.
24. Шапиро, А.Л. Русская историография в период империализма / А.Л. Шапиро. – Л., 1962. – 236 с.
25. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. / Р.А. Киреева. – М., 1983. – 214 с.
26. Киреева, Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. / Р.А. Киреева. – М., 1966.
27. Нечкина, М.В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. / М. В. Нечкина. – М., 1974.
28. Карагодин, А.И. «Философия истории» В.О. Ключевского / А.И. Карагодин. – Саратов, 1976. – 73 с.
29. Карагодин, А.И. Методологические принципы исторических исследований В.О. Ключевского: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.И. Карагодин. – Л., 1979. – 24 с.
30. Введенский, А.А. Лекции по документальному источниковедению СССР / А.А. Введенский. – Киев, 1963.
31. Чумаченко, Э. Г. В. О. Ключевский – источниковед. / Э. Г. Чумаченко – М., 1970.
32. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1961.
33. Очерки истории исторической науки в СССР. т. I–III. – М., 1955–1963.
34. Будовниц, И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. (по «житиям святых»). / И.У. Будовниц. – М., 1966.
35. Иллерицкий, В.Е. В.О. Ключевский – выдающийся буржуазный историк пореформенного периода // Историография истории СССР. / В.Е. Иллерицкий. – М., 1971.
36. Сахаров, А.М. Историография истории СССР: Досоветский период. / А.М. Сахаров – М., 1978. – 256 с.

37. Александров В.А., Янин В.Л. Предисловие / В.О. Ключевский. Сочинения: в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. Часть I. / под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987.
38. Киреева, Р.А. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский / Р.А. Киреева // Историки России. XVIII–XX века. М., 1996.
39. Киреева Р.А. / История европейского человечества (лекции В. О. Ключевского по всеобщей истории) / Р.А. Киреева. // Россия и Европа. –2007. – № 4. – С. 149–166.
40. Нечухрин, А.Н. Теоретико–методологические основы российской позитивистской историографии (80–ые гг. XIX – 1917 г.) / А.Н. Нечухрин. – Гродно, 2003.
41. Нечухрин, А.Н. Цивилизационный подход в российской историографии рубежа XIX – начала XX в. / А.Н. Нечухрин // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII – do XXI wieku: материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 6 окт. 2005 г. / ГрГУ им. Я. Купалы, Ин-т ист. Ягеллонского ун-та; редкол.: А.Н. Нечухрин [и др.]. – Краков, 2007. – С. 11–18.
42. Иллерицкая, Н. В. Историко–юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в. / Н. В. Иллерицкая. – М., 1998.
43. Щербань, Н. В. Памяти великого историка. К 165–летию со дня рождения В. О Ключевского / Н. В. Щербань // Отечественная история. 2006. – № 4. – С. 78–89.
44. Шахов, А. Н. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский / А.Н. Шахов // Вопросы истории. 2000. – № 3. – С. 146–155.
45. Попов, А.С. В. О. Ключевский и его «школа»: синтез истории и социологии. / А.С. Попов. – М., 2001.
46. Щербань, Н.В. В.О. Ключевский о Смуте / Н.В. Щербань // Отечественная история. 1997. – № 3, 4;
47. Щербань Н.В. Цивилизационный подход к истории в трудах В.О. Ключевского / Н.В. Щербань // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. – М., 1996.
48. Щербань Н.В. Невостребованные традиции: В.О. Ключевский–педагог / Н.В. Щербань // Отечественная история. 1998. – №6.
49. Попов, А.С. Школа Ключевского, синтез истории и социологии в российской историографии / А.С. Попов. – М., 2002. – 400 с.
50. Попов, А.С. Историческая социология В.О. Ключевского. / А.С. Попов. – Пенза: ПГПУ, 2010. –145 с.
51. Баранов, М.В. Философия истории В.О. Ключевского. / М.В. Баранов. – М., 2007. – 212с.
52. Гришина, Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. / Н.В. Гришина. – 2010. – Челябинск: Энциклопедия, 2010. – 288 с.
53. Riasanovsky, N.V. A History of Russia. / N.V. Riasanovsky N. Y., 1984.
54. Бернс Р.Ф. В.О.Ключевский, историк России. / Р.Ф. Бернс. – Блумингтон–Индианаполис, 1995. – 304 с.
55. Эммонс, Т. Ключевский и его ученики / Т. Эммонс // Вопросы истории. – 1990. – №10. – С.45–61.
56. Filatowa, N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej / N. Filatowa // Polacy i Rosjanie / 100 kluczowych pojęć // pod red. A. Magdziak–Miszewskiej, M. Zuchniak, P. Kowala. – Warszawa, 2002. – Biblioteka «Więzi». – S. 21–34.
57. Blachowska, K. Narodziny imperium. Rozwoj teritorialny panstwa carow w ujeciu historykow rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Blachowska – Warszawa, 2001. – 310 s.
58. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. – Warszawa, 1970. – 518 s.
59. Kruczkowski, T. Polityka polska Katarzyny II w ocenie Wasyla Kluczewskiego / T. Kruczkowski // Rosja – Polska – Bałkany XVIII–XX w. – Szczecin, 1998. – S. 101–115.
60. Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. / А.Е. Пресняков. – Пг., 1918.
61. Милуков, П.Н. Главные течения русской исторической мысли / П.Н. Милуков. – М., 1913. – 342 с.
62. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX – нач. XX в. / Т.Т. Кручковский // Наш радавод. – Гродно, 1994. – Т.7. – С.218–417.
63. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос / Т.Т. Кручковский. – Гродно. – 2011. – 418 с.

RUSSIAN HISTORY OF THE FIRST PERIOD AND POLISH-RUSSIAN RELATIONS OF THIS PERIOD IN INTERPRETATION V.O. KLYUCHEVSKIY

T.T. KRUCZKOWSKI

Summary

In the history of the concept of historiosofic Russian VO Kliuchevskoi the first period of the history of Russian people – the Dnieper. During this period, Poland and the Russian– Polish relations in the representation of the scientist were not particularly significant for the history of Russia. The history of Poland was considered in relation to the history of Kievan Rus'. It was seen in the following series of problems: the Slavic peoples, relations between the two neighboring nations, comparing public and government. Historical Polish Studies VO Kliuchevskoi not been the subject of separate studies in this context, is seen for the first time.

© Кручковский Т.Т.

Поступила в редакцию 15 апреля 2014г.